

Тело и практическая логика: хабитус и хабитат (мысленный эксперимент по методике Пьера Бурдьё)

Мирослава Генкова*
ПЛОВДИВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БОЛГАРИЯ

Как бы то ни было, это на первом месте рассказ об одном мире. Вот, он приближается. Наблюдайте внимательно, специальные эффекты важны...

Пратчет, 1994. С.5.

Практическая логика и зооастронавтика

Я начну этот текст метафорой, заимствованной из книг Терри Пратчета о Мире диска - метафорой Великой Черепахи. Мир диска - это абсолютно плоский мир, населенный жрецами, ведьмами, волшебниками, героями и одним туристом (первым в истории этого мира) - мир, "который существует лишь потому, что боги забавляются" и который "несомненно, является местом, где магия может уцелеть". Этот мир несет на спине гигантская черепаха: "Ее имя (или Его, согласно другому философскому течению) было Великий А'Туин... Есть некий вопрос, который издавна тревожит философов с развитым воображением на диске, - это вопрос о половой принадлежности Великого А'Туина, и изрядное количество времени и усилий было потрачено, чтобы разрешить этот вопрос раз и навсегда". Итак, жрецы посылают первых астрозоологов установить пол А'Туина. Но как раз в этот момент он/она поджимает хвост...

Проблема, на которую обращено внимание в этой статье, связана именно с эффектом "поджимания хвоста", иначе говоря, с практической логикой, которая всегда ускользает от исследователя, который "не вооружен" подходя-

* E-mail: genkova@gfkbul.com

шим инструментом и нужным терпением, чтобы понять то, что она пытается скрыть от него.

Проблема практической логики и телесности возникает как бы сама по себе - и поэтому естественным образом формулируется в том спектре социального мышления, предметом которого являются не только структуры, пред- задающими действие в мире, но и тот свободный выбор, который делает возможным человеческое существование, тот короткий момент "чудотворной встречи" ("Miraculous encounter" в (Bourdieu, 1990. С.64)) между объективированной и инкорпорированной историей, между *хабитусом* и *хабитатом*¹.

Отношение "тело-практическая логика" выступает пока еще смутным и неясным для большей части аудитории, интересующаяся т.н. «науками о духе», по той причине, что это отношение характеризуется недистантностью, слитностью. Определяя границы моего поиска, а именно: 1) каким образом возможно изучение того смутного, порождающего спонтанность чувства (sense), той доксы, которая делает возможным пребывание и успешное действие человека в мире; 2) каким образом возможно, чтобы тело явилось собственно предметом социологии; 3) каким образом тело и практическая логика являются взаимоотносящимися и взаимопроникающими, слитыми; я попытаюсь *через* Бурдьё (а может быть, иногда и *вместе* с ним) раскрыть эту проблему.

"Мысль убивает всякое чувство", или "замена вещей логики логикой вещей"

Существует два универсума: мир дискурса и мир практики. Мир науки - это мир дискурса, ставящий под вопрос и тематизирующий то, что безвопросно дано в обыденности. Это мир, ищущий смысла и схватывающий этот смысл в его монотетичности, лишающий его времени, мир, оформляющий логику действия в застывших формах, исполненных безвременьем слов. Его "практическая логика" направлена на поиск ответов на вопросы, которые практика никогда не задает, потому что ей нет необходимости задавать их. Теоретик действует в этом мире так же доксически, как и лишенный доступа к *scholastic view*² обыденный человек, потому что это его обыденная жизнь (исполненная эманципированными словами).

¹ В своей статье "Le Mort Saisit le Vif" ("Мертвое схватывает живое"), опубликованной в "Actes de la Recherche en Sciences Sociales" (1980. № 32-33), П. Бурдьё рассматривает историю в двух состояниях: 1) *объективированная история*, аккумулированная в вещах, машинах, памятниках, книгах, теориях. Это история, отложившаяся в кодифицированных ритуалах, оформленная в дискурсе и поэтому потерявшая чары своей спонтанности, история, застывшая в легитимных, символических структурах - *хабитатах*. 2) *инкорпорированная история*, «вошедшая» в тела и действующая через них, через *хабитусы* агентов. В обыденном доксическом отношении история-субъект открывается в историю-объект, между ними есть онтологическое, непосредственное со-участие - история встречает саму себя.

² Совершенно особая точка зрения на социальный мир, язык или любой другой предмет мышления, которая становится возможной через ситуацию *scholae*, свободного времени, чьей особенной формой является школа как институционализированная форма прилежного свободного времени (Бурдьё, 1998. С.180).

Книга - застывшее в объективной форме бытие ученого. Это объективированная история, которая отложилась в его телесности и заставляет его вести себя сообразно нормам и принципам формальной логики. Поэтому теоретик всегда находится под угрозой иллюзии, что он схватывает значение в его собственной мере, не давая себе отчета в том, что, кодифицируя, он производит "изменение по естеству, по логическому статусу", подменяя практическую логику формальной. Таким образом теоретик навязывает безвременное время науки миру практики, "которая неотделима от времени не только потому, что играют во времени, но и потому, что стратегически играют со временем и более конкретно - с темпом" (Bourdieu, 1990. С.81).

Практика содержит в себе логику, которая не является логикой логиков. Эта логика способна организовать все мысли, восприятия и действия, она есть то "чувство игры" и *sense of one's place*, которое включенный в поле инкорпорирует в свою собственную телесность, в свой хабитус³. Агент, который обладает практическим чувством, способен действовать в мире так, чтобы "изменять игру по ее собственным правилам". Но он не способен воспринимать то, что на самом деле руководит его практикой. Он всегда знает меньше того, что на самом деле делает⁴. В тот момент, когда агент рефлексивирует над своей практикой, адаптируя некую квази-теоретическую позицию, "он теряет всякую возможность выразить суть своей практики и, более конкретно, суть практических отношений к практике" (Bourdieu, 1990. С.91)⁵. Чтобы действовать логично в мире обыденности, агент должен действовать внерефлексивно, бессознательно, без дистанции, без перспективы и отделенности, а скорее - через пропускание через тишину и замкнутость в очевидном, выстраивая

³ Хабитус - это система диспозиций относительно практики, которые делают возможным адекватное, "разумное" действие в мире. Он тесно связан с качествами «размытого» и «смутного» и порождает спонтанность. Он связан с той частью недетерминированности и открытости, которая позволяет социальные импровизации.

⁴ Агенты никогда не знают до конца то, что делают, а то, что они делают, имеет больше смысла, чем они знают (Bourdieu, 1990. С.69).

⁵ В одной из книг Терри Пратчета "Эрик" присутствует следующий диалог:

« - Как же ты это делаешь? - спросил Эрик.

- Наверное, есть какой-то прием, - ответил Ринсуид»

(Пратчет, 1992. С.42).

"Прием" - это то знание, которое неявно отложено в телесности Ринсуида (который является волшебником), и которое он никогда не ставил под вопрос. Поэтому он и не может дать «логичный» ответ на заданный вопрос. Он не рефлексивирует, не мыслит то, как он действует, - он просто действует или, иначе говоря, он есть само действие, практика, лишенная мыслительных механизмов. Это, разумеется, не означает, что он не имеет целью какой-либо конечный результат действия, но здесь под вопрос поставлен сам акт действия ("Как ты это делаешь?"), что неминуемо направляет чувства отвечающего к тому, что как-то очевидно для него самого. Вдруг оказывается, что совершенное им действие является проблемой для другого, так как его телесность не обладает таким типом знания, потому и Ринсуид отвечает неуверенно, предполагая, что, "наверное, есть прием". Подобного типа ответы ожидаются при любом таком вопросе, касающемся бессознательного, нерелективного действия в мире - каким является всякое обыденное действие. Цель исследования обыденных телесных практик - расслоить это "наверное" на последовательность условий возможности/невозможности его существования.

смысл политегическим образом. "Не просто одно после другого, а одно за другим, шаг за шагом" (Bourdieu, 1990. С.69).

Играющий обладает временем постольку, поскольку он обживает в акте действия прошлое, закодированное в его телесности, и предвидит будущее, исходящее из его телесного опыта⁶. "Чувство игры" - это способность практического восприятия приходящего будущего, содержащегося в настоящем, вписанного в конкретные конфигурации, и все, что занимает какое-либо место в нем, выглядит разумно как исполненное здравого смысла.

Практическое чувство квази-телесно и отражает невероятную встречу между хабитусом и полем, между объективированной и инкорпорированной историей. Оно произведено в игре и, следовательно, объективными структурами в рамках, в которых играют, но также дает возможность влияния на структуры в ситуациях выбора (в которые мы ежедневно включены)⁷. Практическая вера есть то, что мы называем "быть рожденным с" (to be born with), пускаться бессознательно в игру, принадлежать игре. "В своей самой законченной форме она - самая наивная форма, форма естественного члена, и она диаметрально противоположна тому, что Кант называет в "Критике чистого разума" "прагматичной верой" (обладанием разумным восприятием смысла действий)"⁸. Практическая вера, по Бурдьё, не связана с каким-либо состоянием ума, а является состоянием тела. Докса - это практическая слитность хабитуса и поля, на которое настроен хабитус. То, что является имплицитным и существует до какой-либо вербализации, taken-for-granted, это погруженная в тело вера. Практическая вера состоит из квази-телесных диспозиций, операционных схем, смысл которых забыт именно потому, что он отложился в телесности. Практическое чувство - это "социальная необходимость, превратившаяся в природу" (Bourdieu, 1990. С.69). Моторные схемы и телесные автоматизмы делают практики возможными и скрывают "логику" от глаз их агентов.

"Руки и ноги полны застывших императивов"

В обыденной жизни тело принято как данное: оно самое естественное и самое близкое; оно "самое мое", и в то же время это первое, с чем соотносятся другие. В нашем мире, населенном телами и вещами, мы (как погруженные в

⁶ Игрок, включенный в игру и одержимый ею, настраивается не на то, что он видит, а на то, что он предвидит, видит в перспективе, в непосредственно воспринимаемом сейчас (Bourdieu, 1990. С.84).

⁷ У одного из героев в романе Терри Пратчета "Фантастический свет" - Двухцветки (который является первым туристом в истории Мира диска) - есть особая "житейская философия", что с ним не может случиться ничего плохого, потому что он просто не участвует в действительности. Двухцветка принимает позицию наблюдателя, и, как ни абсурдно звучит подобное высказывание, он "стоит крепко на земле, не ходя по ней".

⁸ Вера - это такое условие вхождения в игру, которое любое поле определяет не только через одобрение и через исключение тех, кто разрушает игру, но и через порядок вещей, через операции селектирования и полагания в формы, чтобы таким образом постичь необсуждаемое, дорефлексивное, наивное, естественное согласие с основными посылками поля, что само по себе является дефиницией доксы (Bourdieu, 1990. С.68).

этот мир) забываем о своей телесности, поскольку она действует безотказно и вносит порядок в мир вокруг себя. Мы забываем о том мышлении, которое исходит из нашего тела и помогает нам ориентироваться и действовать адекватно. В телесном мышлении закодированы социальные нормы, имеющие свой генезис в определенных исторических конфигурациях. Телесность, как носитель бессознательных техник и автоматизмов, как застывшие в телесных жестах и практиках культурные нормы, и как продукт определенных властных воздействий, является предметом той социологии, которая всегда "готова начать сначала"⁹.

Тело является полем символических сражений, на котором разыгрываются различные дисциплинарные стратегии и в котором имплицитно заложены властные императивы¹⁰ (чтобы оно было усвоено и присвоено, чтобы оно было полезным и умеющим) именно потому, что "тело функционирует как язык, скорее говорящий о человеке, нежели как язык, на котором говорит человек; это язык природы, в котором раскрывается самое скрытое и в то же время самое истинное, потому что тело - это самое бесконтрольное и неконтролируемое сознательное, это язык, который заражает и сверхдетерминирует своими воспринятыми и невоспринятыми посланиями все интенциональные выражения, начиная с речи" (Бурдью, 1977).

Тело в обыденных доксических отношениях мыслится как природный язык, поэтому без вопросов принимается, что тело наиболее адекватно выражает скрытую сущность человека, его "душу". Но в естественности тела кроется секрет его культурной сформированности. Тело говорит на языке социальной идентичности¹¹, которая принимается как данная по природе, т. е. тело является натурализованной социальностью. В нем закодированы социальные знаки. "Когда свойства и движения тела социально квалифицированы - самые фундаментальные социальные выборы натурализованы, и тело с его свойствами и движениями сконструировано как аналогичный оператор, представляющий все виды практических эквивалентов среди различных делений социального мира - разделений половых, по возрастным группам и между социальными классами, - или, точнее, разделений между смыслами и ценностями, ассоциированных с индивидами, которые практически занимают эквивалентные позиции в пространствах, определенных посредством этих различий" (Bourdieu, 1990. С.71).

Через тело действуют практические схемы, "принципы видения и разделения", "принципы, устанавливающие порядок в действии", которые являются продуктами поля, застывшими эксплицитными нормами, оформляющими психическое и физическое поведение и уходящими далеко за пределы осознанного. Но так же действует и своего рода телесное мышление, обладающее практической верой и в силу этого способностью действовать в мире и по отношению к миру. Тело, говорит Бурдье, верит в то, во что играет. Оно не

⁹ Адаптированная Бурдье фраза из М. Пруста (Bourdieu, 1990. С.69).

¹⁰ Если понимать власть, согласно Фуко, как власть диффузную, которая осуществляет себя не над телами, а в телах; власть, действующую через детали, не через наказание, а посредством надзора; власть не над результатами, а над процессом самого действия - *власть-дисциплину*.

¹¹ Первое, что позволяет мне типологизировать человека как хиппи, бизнесмена, французского интеллектуала, "простого" крестьянина и т. д., это его телесность, способ, которым он движется в пространстве, способ, которым он держит свое тело.

представляет то, что исполняет, оно не вспоминает прошлое, оно играет прошлое, возвращая его обратно в жизнь. То, что "научено через тело", не есть нечто, которое некто имеет как знание, которое может быть жестикулировано, а есть нечто, которое есть сам индивидуум (Bourdieu, 1990. С.73).

Знание вещей через тело предполагает отложение определенного типа очевидностей, которые делают возможным, чтобы тело видело, понимало и чувствовало. Эти допредикатные очевидности - как очевидности самого мышления и как условия его предикации - показывают, "что в самой спонтанности акта предикатного суждения уже сняты (в не-гегелевском смысле) формы рецептивности" (Деянов, 1998. С.49).

Вспомним сказку "Принцесса на горошине". Здесь существует, с одной стороны, модализированное докисическое отношение (дистанция между хабитусом и хабитатом), а с другой стороны, ясно сформулированный и старательно подготовленный "практико-логический эксперимент".

Для того, чтобы стала возможной предикация "Она - настоящая принцесса", нужно определить условия возможности этого суждения¹². 1) Она - предполагается существо женского пола. 2) Остается определить, что именно значит "настоящая принцесса". Принцессы обладают множеством качеств: в первую очередь, они - царские или королевские дочери, и как таковые уже отличаются от остальных особ женского пола, - отсюда следует, что они обладают рядом характеристик, которые у других в дефиците (благодаря свободному времени, они совершенствуются в танцах, музыке, вышивке, изысканных манерах, дворцовом этикете и т. д.). Но что иногда случается? Случается то, что появляются "фальшивые" принцессы - такие, которые посредством имитации (т. е. с помощью сознательных усилий) повторяют жесты и выражения объекта, который эксплицитно конституирован как принцесса. В подражании¹³ содержится дистантное, рефлексивное отношение между хабитусом и хабитатом, и отсюда скрытая, но выдающая секрет неуютность тела. Возникает проблема, как найти такое качество, которое является аутентичным для субъекта "Принцесса". Следуют варьирования признаков *x*, *y*, *z* и т.д., пока, наконец, не останется наиболее природный (но при этом культурно сформированный) и естественно предзаданный признак (*to be born with*) - тело. Делается утверждение: Принцесса как таковая имеет специфическую телесность. Какова она? Легко ранимая, нежная и хрупкая. Это тело не выдержало бы малейшего неудобства. Но как можно узнать, что таким образом определенная телесность - это телесность Принцессы? Как провести "эксперимент" так, чтобы в нем было возможно меньше "шума"? Решение: когда менее всего можно упражнять подражание, когда можно избежать всяких волевых усилий? Когда человек спит. Сон блокирует сознание и выключает все автореферентные механизмы. Таким образом, посредством эксперимента во время ра-

¹² Эти условия (*не*)возможности задают границы свободы при свободном варьировании субъекта и предиката, диктуют, до каких пор это варьирование возможно и с каких пор уже нет... Именно посредством такого свободного варьирования материи мы, покидая все фактуальное, извлекаем эйдетическую форму как инвариант (см. (Деянов, 1998. С.41)).

¹³ В отличие от подражания "в мимезисе есть воздержание от любой формы предикатного интереса" (Деянов, 1998. С.46); миметирующий не знает то, что он делает, ибо он является одним целым с тем, что делает. Он не может объективировать самого себя, ибо у него нет писания и всего того, что делает возможным логический контроль.

боты бессознательного будет установлена истина о субъекте. Так ставят "ловушку-для-фальшивых-принцесс" - горошину под семью матрацами. Почему "горошину-под- семью-матрацами"? Именно потому, что эти "фальшивые" принцессы подражают, они не обладают кинестетическими очевидностями Принцессы - которые и являются условиями возможности телодвижений Принцессы. Предметы, которые их окружают, не имеют интерсубъективно очевидных мотивов "для того, чтобы", отложившихся в теле принцессы как таковой. Предметы сопротивляются фальшивости, пытающейся их усвоить, они ранят. Телодвижения подражающих настоящей принцессе превращаются в бутафорию. Подражающие не имеют в своей телесности инкорпорированной истории, которая делает возможной встречу между хабитусом и хабитатом.

В вышеизложенном схематическом анализе я попыталась показать, как формируются условия возможности или невозможности определенного предикатного суждения, как расслаиваются хабитус и хабитат в момент кризиса и выходят из рамок их общей истории, и как они могут вновь слиться вместе и найти свою естественность в теле.

Миметическое понимание или оставленное в молчании

Я попыталась раскрыть один из способов, каким можно трактовать практическую логику и тело как предмет социологии, какова возможная связь между ними, каким образом можно понять логику обыденного человека, не формализуя ее. Попытка мысленного эксперимента оставила зоны молчания, которые могли бы превратиться в поля диалога и развить множество других точек зрения. Магия сдваивания и раздваивания хабитуса и хабитата (противоположности и взаимозависимости шапки ведьмы и ее магии у Пратчета¹⁴ или, по Бурдые (1994. С.111), алхимии представительства, посредством которой представитель создает группу, которая создает его) - это то, что делает возможным самое существование социального мира и его истории.

Литература

- Бурдийо П. Предварителни бележки относно социалното възприемане на тялото. 1977 (неопубликуван превод).
- Бурдийо П. Практическият разум. София: Критика и хуманизъм, 1988.
- Бурдийо П. Казани неща. София: Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1993.
- Бурдые П., Вакан Л. 1993. Въведение в рефлексивната антропология. София: Критика и хуманизъм, 1993.
- Деянов Д. Трансценденталната логика и проблемът за несъизмеримостта // Философски форум. 1998. Кн. 1.
- Петков Т. Практическата логика: Остин и Бурдые. Доклад по проекту "Практическа логика - между теоретическими методами и лабораторным экспериментом" (НФНИ дог. 43/10.11.1997), зачитанный на конференции

¹⁴ "Она как бы из двух частей.... Шапка волшебная, потому что ты ее носишь. Но ты ведьма, потому что носишь шапку" (Пратчет, 1994. С.54-55).

- "Критика модерности - технологии и будущее" в Пловдиве, 26-31.10.1998 г.
- Пратчет Т. Ерик. София: ИК Вузов, 1992.
- Пратчет Т. Фантастична светлина. София: ИК Вузов, 1992.
- Пратчет Т. Цветът на магията. София: ИК Вузов, 1992.
- Пратчет Т. Еманципираната магия. София: ИК Вузов, 1994.
- Фуко М. Надзор и наказание. София: Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1998.
- Фуко М. Генеалогия на модерността. София: Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1992.
- Фуко М. Власт. София: Критика и хуманизъм, 1997.
- Bourdieu P. Le Mort Saisit le Vif. In: "Actes de la Recherche en Sciences Sociales". 1980. # 32-33.
- Bourdieu P. The Logic of Practice, "Belief and the Body", Polity Press, 1990.
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power, ed. and intr. by J. B. Thompson, transl. by G. Raymond and M. Adamson, Polity Press, 1994.